

Пороховицки в флексаж 2007.02

Моск. кансамелл. - 2002 - 20 июня - с. 2.

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Мы договорились встретиться в буфете Дома кино. "Я с утра еду смотреть спектакль у студентов, а потом у меня будет немного свободного времени: подвезжайте к четверем", — по-военному четко отдал приказ знакомый голос в телефонной трубке. У меня чуть не вырвалось: "Так точно!" Но вояка из меня вышел никудышный — опоздав минут на двадцать, перепрыгиваю через две ступеньки лестничного пролета на второй этаж ЦДК и... натыкаюсь на героя моего материала, спокойно спускающегося вниз. Все, думаю, прошай, интервью! Но самые горестные опасения отпали, как ни странно, почти сразу. "Только давай договоримся. Никаких вопросов о любви. Этим меня уже в-о-о-т так достали!" — заявил Александр Пороховщиков с ходу, не тратя времени на выслушивание моих извинений.

- Попробую. Ну тогда, Александр Шалвович, примите поздравления. На "Мосфильме" мне сказали, что работа над вашим новым фильмом "Удар лотоса-2" уже завершена.

— Спасибо, конечно, но у тебя немного неверная информация. Картина имеет рабочее название "Сладкая горечь полыни", из серии "Удар лотоса".

— **Говорят, трюки каскадерские в картине — просто блеск — Голливуд обзавидуется.**

— Вначале этот фильм был задуман как мелодрама. Но продюсер настоял, чтобы сценарий изменили — получился такой психологический детектив, почти боевик. Там задействованы замечательные ребята, которые занимаются восточными единоборствами. Чемпионы по всем этим делам, в которых я слабо разбираюсь. Типа Джеки Чана. Выглядят потрясающе! Моя задача состояла в том, чтобы они ничего не наигрывали, не пыхлились, не изображали из себя эдаких Джеймсов Бондов... Сейчас уже все смонтировано, идет озвучка.

— **Почему же так редко снимаете кино? На вашем счету всего три картины за те 15 лет, что вы занимаетесь режиссурой.**

— Скажу так. Как режиссер я снял 3 картины, а до этого еще 8 сделал как бы чужими руками, только снимаясь в них. Я не могу назвать эти фильмы, потому что они получили призы. Иногда и сценарии приходилось дописывать. Кто-то, понимаете, с дамами гулял, любил ханку пить, а я работал.

— **Так вы трудоголик такой беспросветный?**

— Нет, просто режиссурой хотел заниматься всегда. Только все времени не было во ВГИК поступать. Да и не взяли бы, наверное, на режиссерский — всюду же блат какой. Помню, пришел как-то, говорят: "Вы где, в медицинском училище? Ну и продолжайте медициной заниматься". А прошло время, и меня туда уже звали преподавать. Во как жизнь поворачивается! Станиславский и тот ошибался — Москва, великого Москвина три раза за профнепригодность выгонял. Я, конечно, себя с Москвиным не равняю, но тоже кое-что в своей профессии знаю. И каждый мой фильм для меня своего рода экзамен.

— **Отсутствие режиссерского образования не мешает сдавать эти экзамены на "отлично"?**

— Нет, моя школа — это жизнь. Вот во ВГИКе возрастной ценз по приему — до 35 лет. Я считаю, чушь полнейшая. Актерам в зрелом возрасте начинать тяжело, да и то... А режиссеры должны быть людьми сформировавшимися. Почему у нас раньше фильмы были такие замечательные? Да потому что режиссеры пережили сталинские времена, войну, накопили гигантский опыт. А сейчас кто снимает картины? Мальчишки. И что у них — рестораны, помойки, пифпаф, менты всякие... На этом ничего не создашь. Я называю это все "водопроводным искусством". Вот открываешь кран, и вода потекла, да же бульков нет. Льетса, и все. Масса актеров, которых я и запомнить не могу. Мелкотемье какое-то. А надо рвануть в искусство! Как говорил Шалпин, "великий взлет или великое падение..." Всех-то обмануть не получится. Все равно в зале найдется пара глаз, поумнее тебя, и подумает кто-то: "Что ж ты, лысый, делаешь?! Как тебе не стыдно. В своей жизни не можешь разобраться, а берешься чужие играть".

— **Вы где-то упоминали, что ваша жена принимала участие в последнем фильме.**

— Ирина — замечательный театральный критик и журналист, и картину ставили фактически по ее сценарию. Мы с ней по ночам, вместо того чтобы любовно заниматься, раскладывали листы по полу и на четвереньках, как ненормальные, переделывали тексты. 4 варианта накатали. Даже Сергей Вальев, официальный сценарист, настаивал, чтобы в титрах написали "...при участии Ирины Пороховщико-вой". Но продюсер категорически отказался. Ну, нет, так нет. Вот если бы я сам деньги вкладывал, делал другое — ничего и спрашивать бы не стал. У меня же есть своя киностудия, в 1987 году создал. На ней я снял картину "Цензура к памяти не допускаю". И сценарий сам написал, и деньги нашел.

— **А еще сыграли там главную роль и сняли вашу болонку уже маму.**

— Она тогда после инсульта была прикована к постели, и я на коленях умолял ее сыграть в этом фильме. Все говорили: "Ты что, с ума спятил, как ты можешь болящую мать тревожить?" Но мне не за что себя укорять. Со съемок она уходила уже на своих ногах и после прожилки еще почти шесть лет. Так что не надо меня упрекать в жестокости... А если о фильме, то он показал, чего я стою как режиссер. Меня же не мнения критиков интересуют. Зрители, мама, жена, моя совесть — вот что для меня важно. А то некоторые так называемые великие говорили: "Где вы такое видели? Это же профанация — диалогов никаких нет, характеров не существует!" Получил приглашение поехать с фильмом в Канны, так эти господа все завернули. А буквально через месяц, на фестивале в Сан-Рафаэле, куда почти в полном составе переехало жюри из Канны, "Цензура..." получила главный приз — "Золотой парус". Но ничего, весь этот народный "худсовет" когда-нибудь будет приглашен на серьезный разговор, и тогда посмотрим, кто чего стоит.

— **А зачем вам это нужно?**

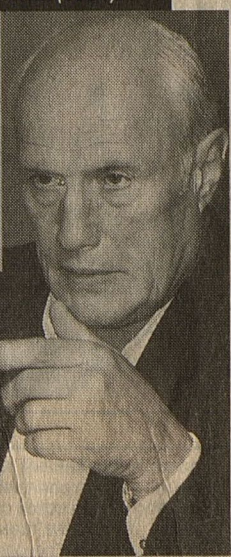
— Как зачем? Да чтобы те молодые ребята, идущие за мной, понимали, что это все — тыфу, воздух. Помнишь, в "Руслане и Людмиле" сидела огромная голова, и Руслан никак не мог ее обхватить. И только дунул, фу-у-у, и ничего не стало. Так же и здесь. Я знаю массу случаев, когда вот так чего-нибудь напишут, и человек спивается. Меня-то этим не прошибешь, я в сталинскую эпоху выжил и не такие хохмы видал. Хотя нет. Помню, в 1992 году дома у меня раздается звонок: "Александр Шалвович, это с "Кинотавра", — у меня сердце нервно забилось. — А чего вы картину свою не привезли?" — У меня сердце еще сильнее начало биться: "Да, пожалуйста, берите". — "Так надо было вчера". Я аж не выдержал: "Чего ж вы, гады, звоните тогда, душу рвете!"

— **И на последнем "Кинотавре" вас не было видно.**

— Не люблю я ездить туда без работы. Вот недавно снялся в новом фильме "Следствие ведут знатоки. 10 лет спустя", но на кинофестиваль его даже не выставили. И там у меня не пятиминутный образ создан. Сыграть мафиозо так, чтобы люди плакали, поважнее, чем все аплодисменты и премии "Кинотавра".

Из досье "МК". Александр Шалвович Пороховщиков родился в Москве 31 января 1939 года. Учился в Челябинском медицинском институте. Работал мебельщиком-реквизитором Театра им. Вахтангова. Окончил актерский факультет при Российском театральном обществе, затем театральное училище им. Б. Щукина и стал актером Театра сатиры. С 1971 года актер Театра на Таганке. С 1981 года — в Театре им. А. Пушкина.

Снимался в фильмах: "Гори, гори, моя звезда" (1969), "Свой среди чужих, чужой среди своих" (1974), "Город принят" (1979), "С любимыми не расставайтесь" (1979), "Завещание профессора Доуэля" (1984), "Ворошиловский стрелок" (1999), "Женщин обижать не рекомендуется" (2000). Режиссер-постановщик нескольких картин: "9 мая" (1987), "Цензура к памяти не допускаю" (1991) — главный приз "Золотой парус" МКФ российских фильмов в Сан-Рафаэле-93. Народный артист России (1994).

Александр ПОРОХОВЩИКОВ:
"Венчание будет искуплением моих грехов!"

— **Может, тусоваться надо было активнее, глядишь, тогда бы и картины на фестиваль посылали.**

— Да не перевариваю я все эти сборища. Сидят полупьяные люди в последнем дорогом костюме, лица потные, глаза навывкате, говорят: "Ты — гений, я — гений". А утром просыпаются и вспомнить не могут, кого комплиментами одаривали. Я знаю, с чего все начинается, и знаю финал. Мне это не интересно. Я не выпендриваюсь, я так живу. И никакой я не мрачный человек, просто не люблю врунов. Врать со мной бесполезно, я заткнулю чувством. Значит мне слушать скрипку из универмага, если есть Стравинский.

— **Александр Шалвович, так кто вы больше: режиссер или актер?**

— Никогда не задумывался. Пусть зритель решает. Но каждый художник должен задать себе вопрос: имеешь ли ты право заниматься ЭТИМ или нет? Я себе ответ дал. Хочу в силу своего таланта рассказать людям: что такое любовь, дружба, какие герои были в ту советскую эпоху. Не надо показывать все эти ужасы: как сажали в лагерь, как стреляли в затылок. Надо человека воспевать! Формула любого моего фильма: человек защищает свое достоинство и тем самым защищает общественную мораль. Вот и все.

— **Вы как-то говорили, что доброта — ваш главный недостаток. Как это сочетается с жесткой работой, где необходимо быть жестким, а подчас и жестоком человеком?**

— Сразу скажу: работа у меня строится только на доброте. Злых людей не перевариваю органически, стараюсь избегать. Они вдвойне несчастные люди — и так кругом несчастье, а еще эти... Я никогда ни на кого не кричу. Если кто-то что-то делает неправильно, отзываю в сторону, делаю замечание. И никто не знает, похвалялся я или обругал. Первый закон на съемочной площадке — громче режиссера никто не может говорить. А я, слышите, вообще очень тихо разговариваю. Намек понятен?

— **Вполне. Все чисто конкретно. Теперь ясно, почему вам в последнее время предлагают роли криминальных авторитетов.**

— А меня "костыльные" роли никогда не привлекали. Без "мяса", без оправданий, без поступков — не мое. Сейчас как: молодые ребята прыгают из окон, бегают с пистолетами, кувыркаются. Это герои? Нет, это — не героизм, это — героистика! Настоящим героем для меня всегда был, есть и будет Урбанский из "Коммуниста". Вот человечество! А насчет авторитетов я так скажу. Мой мафиозо в последнем "Знатоках" сидит в баре с девочкой и рассуждает о Родине: "Разворадовали все..." Потому что он работник, хозяин, как раньше были кулаки. Когда-то он был пионером, ком-

На съемочной площадке фильма "Сладкая горечь полыни".

НЕСВЕТСКИЙ ЛЕЗ

сомольцем, привык всегда говорить правду. А столкнулся с нашей лживой действительностью, и бац... конфликт. Ведь бандитами не рождаются, их создает общество. Внутреннее переживание героя — вот что меня здесь волнует. К примеру, роль пьяницы мне не интересна, вот сыграть пьянство как человеческую стихию — это да!

— **Что-то сложно вас представить пьяницей, ваши герои всегда слишком трезвые.**

— Ну, начинал-то я с острохарактерных комедийных ролей. У меня в 1967 году было три сольных программы по два часа только комических сцен. Играл в Театре сатиры у Плутча с Ширвиндтом, Менделеем и в "Доходном месте", и в "Теркине на том свете". А в "Обыкновенном чуде" у меня была роль министра-администратора. Все эти "крылышки бяк-бяк" репетировал.

— **Сейчас желание шутить на сцене и экране пропало?**

— Желание-то есть, но я не буду. Все-таки не так давно, в 1997 году, ушла из жизни моя мама, которую я боготворил. Выше этого я ничего не знаю, остальное все — чушь собачья: и Дума, и министры, и театр, и кино... Сыграть что-то комедийное — совесть не позволяет. Ну как заставлю себя хохмить на сцене, если по дороге к театру я вижу нищих. Стоит — копия моя бабушка, — просит милостыню. По телевидению показывают, как кому-то голову отрезают, глаза выкалывают, уши рвут. Ну не то время! Хватит нам "мультиками" заниматься!

— **Что же, нам теперь всю жизнь грустить?**

— Я намекаю на гражданскую позицию художника. Бывает, даже талантливый актер всю жизнь что-то играет, а я и вспомнить не могу, что же он сделал. Одна роль, вторая, третья... И ничего не выходит. А бывает, одна роль — и навсегда. Вот фильм "Цыган" — вроде ничего особенного, большого. Так, для плаксивости. Но один эпизод я запомнил на всю жизнь. Михай Волонтир едет раненый на повозке, крупным планом его глаза, слегка пошатывающийся кадр и музыка... Этого уже достаточно. Я как будто всю свою жизнь заново прокрутил!

— **Александр Шалвович, вы снялись в двух фильмах у Никиты Михалкова, а потом разошлись ваши пути-дороги?**

— Нет, ну почему. У меня с ним очень хорошие отношения. Мы встречаемся, расцеловываемся. Я и сейчас его очень люблю, все его постановки готов смотреть. Но, видимо, ценности у нас сейчас разные. Есть вещи, в которых я с ним категорически не согласен. Нельзя говорить, что, дескать, если мой народ решит, то я буду президентом. Я могу быть твоим другом, я тебя очень уважаю, но народом твоим не был никогда и не буду... Кстати, "Утоленное солнце" снято им после моей "Цензуры", и, если посмотрю фильм, ты увидишь, откуда это "солнце" взялось. Но у Михалкова были деньги свозить картину на "Оскар", а у меня нет. Ну а свое личное мнение насчет последнего его фильма, "Сибирский цирюльник", лучше оставлю при себе. Могу только сказать, что русский генерал стаканами не закусывал — не было такого. Если для иностранцев, тогда надо было весь фильм по-французски играть.

— **А возможна ли дружба в актерском мире?**

— Я думаю, нет. Друзей вообще не может быть много. Вот у меня мама была другом, теперь жена — Ирка.

— **И значительная разница в возрасте вам не мешает?**

— Абсолютно не мешает, мы не чувствуем разницы в возрасте. Самое потрясающее, что я с каждым часом, с каждой минутой люблю ее все больше и больше. Ира — совершенно чистый человек, замечательная девочка. Когда мы познакомились, ей было 15, а мне 40, и я влюбился безумно. Она стала мне и женой, и дочерью. Встретил наконец родного, близкого мне человека. О нашем романе, странном по советским меркам, в ту пору судачил весь театр. Мое "аморальное" поведение выносилось на обсуждение парткома... Жизнь была сложная, и я низко склоняю голову перед Ирой — она меня еще ни разу не предала: ни как человек, ни как женщина. Никаких измен дурацких, увлечений... Вот уже 20 лет вместе, хотя познакомились лишь несколько лет назад.

— **Так тяжело было расставаться с холостяцкой жизнью?**

— Меня весь официоз просто убивает. Почему мы должны куда-то ходить, какие-то бумаги подписывать. Бред сивой кобылы. Я это сделал только для нее. Ира ждала серьезности в отношениях. Когда я ей колечко купил, она чуть в обморок не упала. Но никакой свадьбы не было, просто расписались и убежали. Вот венчание — другое дело. Будет обязательно. Есть вещи, которые я должен побороть и изничтожить в себе, чтобы быть предельно чистым.

— **Чувствуете вину перед Ириной?**

— Да. Но это только меня касается. Ни она, ни кто другой никогда ни о чем не узнают. Что делать, если иногда начинаешь краснеть при одних только мыслях об отношениях с человеком, который бескорыстно тебя любит. Это не постельные дела. Социальные вещи: заработок, условия жизни. Мог больше ей дать, но не умею я воровать, понимаешь. Венчание будет искуплением моих грехов.

— **Чувство ревности вам знакомо?**

— Никогда в жизни не ревновал. Ирина — молодая красивая женщина. На нее обращают внимание, ну и слава Богу — я только горжусь. Да, это моя жена! А если случится перебор во взглядах, могу и в рожу дать. Если мою жену обидят хоть словом, я потребую извиниться. Нет — накажу. Потому что хамье должно получить то, что заслуживает.

— **Знающие вас люди говорят: "Пороховщиков — само спокойствие. Но, если что, уберет".**

— Убить человека — вообще для меня за гранью. Сам факт отнять жизнь у существа... Да кто тебе дал право? Кто ты такой?

— **Вы постоянно говорите о своем трепетном отношении к матери. Вы, наверное, очень долго приходили к себе?**

— Нет, я не переживал, я просто умер. Жизнь меня интересовала лишь тем, чтобы она быстрее была прохита. Тогда я увижу свою маму, бабушку. Ведь смерти нет, это слово люди придумали. Тут и доказывать нечего. Я уже знаю, что у меня будет написано на могиле: "Я УМЕР. О СЧАСТЬЕ, РОДНЫЕ, Я С ВАМИ!" Пусть считают это чудачеством, пусть смеются — мне все равно... И только Ирка сейчас держит меня в этом мире.

— **Александр Шалвович, вы же сильный человек. Когда-то даже спортом занимались.**

— Да, в свое время я чуть не стал боксером. Занимался по системе знаменитого боксера всех времен и народов Рокки Марчиано — бой с тенью под водой, до изнеможения. Но сейчас не до того — полиартрит. Бывает, на костылях хожу. Уже почти 35 лет просыпаться для меня — пытка. Сухие суставы, все хрустит, боль адская. Но я настолько к ней привык, что, когда она куда-то исчезает, чувствую, чего-то не хватает. Отупел уже от боли. А спасение одно — движение. Никакие знахари, заговоры, мази... Все чушь собачья. Бегаю, в футбол играю.

— **Говорят, вы прирожденный бомбардир. В каком-то матче даже шесть мячей забили.**

— Восемь. А еще один забили с моей передачи. Играли актерской сборной против команды правительства города Архангельска. Вничью свели — 10:10.

— **Чемпионат мира небось посматривали?**

— Конечно. Обожаю футбол — это же целый спектакль. За наших переживал страшно, но... Знаешь, если бы мне на майке написали "РОССИЯ", я бы любил Марadona на поле загрыз. Раз в четыре года бывает, а они все думают-гадают: выйдут из группы, не выйдут. Бред какой-то! На тебя же вся страна молится. Только по максимуму, только чемпионом! Тогда что-то может получиться, а так... В общем, одни слезы.

— **Александр Шалвович, давайте сменим тему. Вы — дворянин, потомственный князь и, говорят, жутко богатый. Слышал, что денег у вас на три поколения хватит...**

— Хм, я тоже слышал... Что ж, я из очень состоятельной семьи. Мой прадед столбовой дворянин Александр Александрович Пороховщиков был фабрикантом, крупным меценатом, заседал в Думе. Наши предки были очень умными людьми, заботились о детях и внуках. Я знаю, что у нашего рода есть дома во Франции, в Финляндии, крупные счета в каких-то банках. Но выпатчить эти деньги — столько мороки. Нужно нанимать международных агентов, адвокатов, без конца мотаться туда, судиться со всеми. Суета... У меня нет зуда к деньгам. Я к ним отношусь, как к пыли. Так что мои родственники за границей — все люди состоятельные, один я с голым задом.

— **Ну не скромничайте, не у всех есть особняк на Старом Арbate.**

— Во-первых, дом не мой. Мне его дали в аренду на 49 лет. Во-вторых, восстановлена историческая справедливость — дом принадлежал моему прадеду. Я очень благодарен правительству Москвы. Не ожидал, что так по-доброму отнесутся. Но, когда мне его дали, он находился в ужасном состоянии, полный развал. Мы с 1995 года бумаги собирали, и только сейчас нашли строительную фирму, которая сделает все как надо.

— **А как много?**

— О, я много чего хочу. И музей своих предков, и клуб для творческих людей, и ресторан хороший, и галерею. Еще хотел часовенку построить... Планов громадьи. Были бы финансы. Но сейчас голова не тем забита. У меня история другая — детей родить. По сравнению с этим все ерунда и чушь. Ведь я даже когда-то чужого воспитывал.

— **?**

— Была одна знакомая девочка, которую износила. Даже хотела из-за этого покончить с собой. И мы с мамой взяли ее к себе. У нее родился ребенок, назвала в честь меня Сашей. Целый год, пока она училась, я нянчился с ее сыном. Он меня обделывал, заставлял просыпаться по ночам. Надо мной многие смеялись: "Совсем с ума сошел. Жены нет, а он с ребенком". Девушка уехала потом в Латвию, а лет через пять я к ней приехал в гости. Иду по двору, смотрю, а там мальчишки в футбол гоняют. Вдруг один пацаненок курчавый подбежал, вцепился руками в сетку и на меня смотрит. Он на меня, я на него. Мы узнали друг друга — это был мой Сашка. Я не выдержал, разревелся...

— **И вы задумались о наследнике, продолжателе, так сказать, династии? Мечтаете о мальчишке?**

— Мне все равно. Хорошо бы сначала девочку, а потом двух мальчишек. Вроде так и должно быть. Мне так нагадали. Но чтобы это произошло, надо отстраниться от всего, чтобы только я и моя жена, чтобы смотреть друг другу в глаза. Я даже сейчас как будто помолодел лет на двадцать. Перешел в другое измерение. Дети... Начиная с ними разговаривать, нянчиться. С мамой не схожу, нет. Просто своего будущего ребенка уже очень люблю.

Дмитрий МЕЛЬМАН.